

Русу Виталий

1985/12

28 ДЕК 1985

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
— Москва

ЭКЗАМЕН НА ЗРЕЛОСТЬ

Даже посвященному в творчество народно-го артиста Молдавской ССР Виталию Русу может показаться, что он — эдакий баловень судьбы. Без особых усилий с лихвой черпает из того, чем природа так щедро его одарила. Недавно он возглавил ведущий театр республики — Молдавский академический музыкально-драматический театр имени А. С. Пушкина, в котором успешно начинал свой путь как актер. А успех Русу не был таким уж легким.

В театре Русу заявил о себе как об актере яркого комедийного дарования. Режиссеры подкупала его пластика, выдающая в нем человека стеснительного, неловкого, смешного. Успех сопутствовал каждой из сыгранных ролей этого рода, а в актере росла внутренняя неудовлетворенность. Дело было даже не в том, что Русу стало «тесно» в рамках комедийного жанра: он относится к тому типу людей, за внешней мягкостью, деликатностью которых скрывается сильное волевое начало. И это обусловило острую внутреннюю потребность воплотить иного героя — активно действующего, открыто отстаивающего свои взгляды на жизнь.

Эту «страсть» к преодолению, стремление выйти за рамки привычного стереотипа раньше других угадал в Русу Андрей Бэлян — режиссер, склонный предлагать актерам роль совершенно противопоказанную, испытывать его «на сопротивляемость». В этом, конечно, таится доля риска: эксперимент не всегда завершается успехом. Но для Русу успех не главное. Во всяком случае — не самоцель. Важнее другое — получить непосредственный отклик на волнующие его, актера-гражданина, идеи и проблемы. Ему удалось убедительно раскрыть еще одну грань своего дарования — драматического, тем самым утвердив за ним право на разноплановые роли.

К гоголевскому Хлестакову Русу пришел, имея за плечами почти десятилетний опыт мучительных поисков, проб и ошибок. Роли, подобные Хлестакову, — проверка на зрелость, на мастерство. Сыграв их, наутро можно проснуться знаменитым или, напротив, безвестно кануть в Лету. Однако для молдавского актера они ценны еще и тем, что способны пробудить в нем самое, может быть, сокровенное, заложенное в самой его природе, стихийное импровизационное начало. Быть может, поэтому свобода действий становится органическим состоянием, своеобразным способом существования Русу в образе Хлестакова. Его упоение игрой, внутренняя раскрепощенность были настолько заразительны, что это не могло не вызвать ответную реакцию его партнеров и зрителей.

Странно, но после такого бурного успеха он оказался в... тупике. И не только потому, что перед ним встал вопрос, что играть дальше. «Звездные» роли, как Хлестаков, выпадают на долю артиста не каждый день и даже не каждый год. А играть надо повседневно.

Но проблема, думается, упиралась не только в недостаток ролей. Русу не мог удовлетвориться «тиражированием» достигнутого. В нем постепенно вызревает потребность обрести свою тему. Вот почему, вероятно, на рубеже 70—80-х годов в его творчестве отчетливо заявляют о себе чрезвычайно важные и, как мне кажется, весьма близкие его мировосприятию нравственные мотивы сострадания, сочувствия, совестливости. «Предрасположенность» к ним обусловлена в нем малой мере его человеческими, личными качествами. В характере Русу (пусть это не покажется преувеличением) есть нечто от людей чеховского типа: мягких, интеллигентных, совестливых. И беседуя с актерами порой и на деликатные темы (Русу по роду своих обя-

занностей секретаря партийной организации театра выполняет и такую функцию), он сам краснеет. Его коллеги считают, что «когда человек краснеет из-за тебя — самому становится как-то неловко».

Нравственные проблемы, фактически определившие сценические поиски Русу последних лет, вероятно, найдут наиболее широкое отражение в готовящемся к постановке на молдавском телевидении моноспектакле «Шинель» по повести Н. В. Гоголя, в котором Русу выступает как автор инсценировки, режиссер и исполнитель роли Акакия Акакиевича. По замыслу Русу, «Шинель» должна послужить мостиком, подступом к чеховской драматургии. Не случайно чеховский «Иванов» стоит в его ближайших планах.

И в режиссерских опытах Русу не изменяет своей теме. Их нравственный заряд очевиден. В спектакле «Одокия», поставленном по одноименной пьесе дебютанта в драматургии И. Пую, Русу интерпретирует разлад между уходящей из жизни матерью и детьми не как конфликт двух поколений, а скорее как утрату человеческих связей — утрату ценностей непреходящих. Потому обратился он и к пьесе «Дмитрий Кантемир» И. Георгица, что в ней четко заявлена волновавшая во все времена идея святости земли, неразрывной связи с ней человека.

Каким Русу будет главным режиссером, время покажет. Одно пока можно сказать: становлением как актера в немалой степени он обязан своим человеческим качествам. В роли художественного руководителя, в деятельности которого человеческий фактор не менее необходим, они его, будем надеяться, тоже не подведут.

В. ВЕЛЬВИЧ,
кандидат искусствоведения.